

Проблемные нарративы во внешнеполитическом дискурсе Председателя КНР Си Цзиньпина

Сергей Витальевич Севастьянов
Национальный исследовательский университет "Высшая школа экономики",
Санкт-Петербург, Россия, ssevastyanov@hse.ru
Анастасия Андреевна Милькова
Национальный исследовательский университет "Высшая школа экономики",
Санкт-Петербург, Россия, a.milkova@hse.ru

Аннотация. Целью статьи является классификация и характеристика проблемных нарративов, используемых в официальном внешнеполитическом дискурсе Председателя КНР Си Цзиньпина для обоснования внешнеполитического курса, реакции на международные вызовы и укрепления позиций страны на международной арене. На основе метода контент-анализа авторы выявляют в этом дискурсе восемь наиболее часто встречающихся проблемных нарративов, из числа которых, на основе эмпирических данных тематической кластеризации и критического дискурс-анализа, выделяют три ключевых: технологический, сотрудничества в целях развития, и безопасности и стабильности, а также анализируют их особенности и изменения за 2013–2024 гг. Полученные результаты работы свидетельствуют о том, что с помощью формирования и продвижения стратегических проблемных нарративов Китай не только реагирует на внешние вызовы, но и конструирует собственную идентичность, как ответственного мирового лидера, способного предложить альтернативное западному видение глобального порядка и новые подходы к решению его проблем.

Ключевые слова: стратегические нарративы, проблемный нарратив, развитие и сотрудничество, технологический нарратив, глобальный Юг, суверенитет, секьюритизация, внешняя политика Китая

Для цитирования: Севастьянов С. В., Милькова А. А. Проблемные нарративы во внешнеполитическом дискурсе Председателя КНР Си Цзиньпина // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2026. Т. 20, № 2. С. 123–133. <https://doi.org/10.63973/1998-6785/2026-2/123-133>

Original article
<https://doi.org/10.63973/1998-6785/2026-2/123-133>

Issue narratives in Chinese President Xi Jinping's foreign policy discourse

Sergei V. Sevastianov
National Research University Higher School of Economics, St. Petersburg, Russia, ssevastyanov@hse.ru
Anastasia A. Milkova
National Research University Higher School of Economics, St. Petersburg, Russia, a.milkova@hse.ru

Abstract. This article aims to classify and characterize problematic narratives used in the official foreign policy discourse of Chinese President Xi Jinping to justify his foreign policy, respond to international challenges, and strengthen the country's position on the international stage. Using content analysis, the authors identify eight of the most frequently occurring problematic narratives in this discourse. Based on empirical data from thematic clustering and critical discourse analysis, they identify three key ones: technological, development cooperation, and security and stability. They analyze the nature of their changes from 2013 to 2024. Based on this, they characterize China's increased role in the search for answers to foreign policy challenges and the formation of an image of a responsible actor capable of offering an alternative to the Western vision of the global order and new approaches to solving its problems.

Key words: strategic narratives, issue narrative, development and cooperation, technological narrative, global South, sovereignty, securitization, Chinese foreign policy

For citation: Sevastianov S. V., Milkova A. A. Issue narratives in Chinese President Xi Jinping's foreign policy discourse // Ojkumena. Regional Researches. 2026. Vol. 20, No. 2. P. 123–133. <https://doi.org/10.63973/1998-6785/2026-2/123-133>

Активно применяемая в современных политических исследованиях теория стратегических нарративов утверждает, что государства целенаправленно конструируют и продвигают связанные сюжетные структуры для придания смысла прошлому, осмысления настоящего и проектирования желаемого будущего в мировой политике [12, p. 78]. В этой системе координат проблемный нарратив выступает важным операциональным элементом. Он не просто фиксирует возникшие сложности или конфликты, а представляет собой структурированное повествование, выполняющее ряд основных функций: 1) идентифицирует и драматизирует конкретную проблему (угрозу, вызов, несправедливость); 2) устанавливает причинно-следственные связи; 3) определяет акторов ("жертв", "виновников", "спасителей"); 4) предлагает легитим-

ный сценарий её решения, закрепляя тем самым определенную иерархию ценностей и оправдывая конкретную политику [3, с. 12–34].

В то же время выявление и анализ стратегических нарративов, особенно в рамках авторитарных политических систем, сопряжены с существенными методологическими сложностями. Во-первых, существует проблема реконструкции имплицитных смыслов. Официальный дискурс, как правило, избегает открытой конфронтационной риторики в пользу закодированных, исторически и культурно нагруженных формул, требующих интерпретации. Во-вторых, стратегические нарративы существуют не изолированно, а в сложном поле взаимопересекающихся и конкурирующих дискурсов, где продвигаемая государством доминирующая версия взаимодействует с альтернативными прочтениями [16, р. 90–92].

Китайский кейс и, в частности, официальный дискурс Си Цзиньпина демонстрируют свою специфику в использовании проблемных нарративов. С одной стороны, он активно инкорпорирует элементы глобального критического языка, артикулируя проблемы неравенства, дефицита глобального управления и негативных последствий глобализации [2, с. 138–160]. С другой – этот дискурс глубоко укоренен в уникальном историко-политическом контексте. Ключевой точкой кристаллизации здесь выступает нарратив о "вековом национальном унижении", который, будучи реактуализирован, служит основой для конструирования современных угроз в формате "внешнего вмешательства", "подрывной деятельности" или "сдерживания развития" Китая [5, р. 89]. Эта историческая травма трансформируется в нарратив о необходимости восстановления справедливости и законного места Китая в мире, что позволяет представить любые внешние ограничения или критические высказывания в его адрес как продолжение исторической несправедливости.

Таким образом, проблемный нарратив способствует легитимации действий государств и их политических лидеров на международной арене, мобилизации внутренней поддержки и структурированию восприятия внешней аудитории. При этом настоятельная необходимость выявления основной тематической направленности, механизмов формирования и продвижения этих нарративов, выступающих системообразующим элементом политического дискурса Китая, определяет актуальность настоящего исследования. С учётом этого целью статьи является классификация и характеристика проблемных нарративов, используемых в официальном внешнеполитическом дискурсе Председателя КНР Си Цзиньпина для обоснования внешнеполитического курса, реакции на международные вызовы и укрепления позиций страны на международной арене.

Теоретические и методологические основы исследования

Проблемные нарративы во внешнеполитическом дискурсе¹ Си Цзиньпина занимают важное место в анализе современной китайской внешней политики. В рамках теории стратегических нарративов они, по определению Л. Розелль, А. Мискиммона и Б. О'Локлина, направлены на артикуляцию конкретной международной проблемы, формирование интерпретации её причин и последствий, а также демонстрацию способности государства предложить легитимное и эффективное решение [12, р. 79–81]. Не останавливаясь подробно на генезисе теории стратегических нарративов и типологии исследовательских традиций (этот аспект получил развернутое освещение в нашей более ранней работе [1, с. 82–92]), сосредоточим внимание на операциональном анализе проблемных нарративов, имеющих во многом прикладной характер и связанных с актуальной повесткой дня международных отношений, включая вопросы безопасности, развития, сотрудничества, технологий, глобального управления и кризисного реагирования.

Теоретически проблемные нарративы укоренены в конструктивистском понимании международной политики, согласно которому сами "проблемы" не заданы объективно, а конструируются через дискурсивные практики и интер-

¹ Внешнеполитический дискурс – это динамическая система коммуникативных практик (речей, заявлений, официальных выступлений), посредством которых государство артикулирует, обосновывает и легитимирует свои интересы и действия на международной арене, одновременно конструируя смысловые рамки видения мирового порядка.

претации. Как отмечает Дж. Вельдес, артикуляция проблемы в официальном дискурсе² одновременно формирует и национальный интерес, и рамки допустимых политических действий [20, p. 275–318]. Следовательно, проблемные нарративы выступают механизмом, посредством которого внешнеполитический актор не только реагирует на международную повестку, но и участвует в её формировании.

С учётом этого проблемный нарратив не просто фиксирует конфликт или проблему, а структурирует повествование таким образом, чтобы идентифицировать угрозы, установить причинно-следственные связи, определить акторов и предложить легитимный сценарий решения, закрепляя определенную иерархию ценностей и оправдывая политику. Итогом такого подхода является легитимация внешнеполитических действий на международной арене, мобилизация внутренней поддержки и формирование восприятия внешней аудитории [11, p. 17–37].

Материалом для исследования проблемных нарративов послужила репрезентативная выборка из 120 текстов выступлений и статей Си Цзиньпина, опубликованных на английском языке в журнале "Цюши"³. Выбор англоязычных версий выступлений Председателя КНР обусловлен их функциональным статусом как основного инструмента публичной дипломатии, проецирующего китайские стратегические нарративы в глобальное лингвистическое пространство. Данный подход позволяет интерпретировать тексты как интенциональные⁴ акты стратегической коммуникации, направленные на легитимацию китайской модели миропорядка для внешней аудитории.

Будучи официальным изданием Центрального комитета КПК и ключевым проводником партийной идеологии, журнал "Цюши" является авторитетным источником, характеризующим внешнеполитический дискурс китайского руководства по формируемым и продвигаемым им стратегическим нарративам. Выбор дискурса Председателя КНР как объекта анализа продиктован прежде всего его статусом верховного архитектора внешней политики и идеологического лидера, чьи выступления задают концептуальный вектор для руководства КПК и всей государственной машины страны. При этом, в отличие от руководящих документов ЦК КПК, а также Министерства иностранных дел и других ведомств, выступления Си Цзиньпина характеризуются значительной стилистической свободой и активным привлечением метафорических рядов, идиом и аллегорий. Именно такие лингвистические "вольности" позволяют наиболее полно и глубоко эксплицировать стратегические цели Пекина. Обработка этого корпуса текстов осуществлялась с применением программного комплекса T-LAB, используемого в дискурсивных исследованиях для статистического анализа текстуальных данных.

Методологический дизайн работы включал два последовательных этапа. На первом был проведён количественный контент-анализ, включавший лексико-частотный анализ, что позволило выявить устойчивые тематические кластеры. Выделение нами трех ключевых проблемных нарративов (технологического развития, сотрудничества в целях развития, безопасности и стабильности) обусловлено результатами тематической кластеризации, где данные темы продемонстрировали наибольшую частотность и семантическую связность в структуре корпуса.

Второй, качественно-аналитический этап исследовательского дизайна имплементирует критический дискурс-анализ (КДА), методологически фундированный социокогнитивной парадигмой Т. А. ван Дейка [17]. Фокусом данного подхода выступает деконструкция дискурсивных механизмов производства, легитимации и воспроизводства властных иерархий в сегменте элитарной коммуникации. В данной работе он представлен официаль-

² Официальный дискурс представляет собой институционально санкционированную форму коммуникации высших лиц государства, которая служит для трансляции нормативных установок и идеологем, обеспечивая символическое господство власти и консенсус относительно принимаемых политических решений.

³ Кит. 求是 (Цюши, пиньинь: Qiushi) или "кит. 求是 (Qiushi)

⁴ Интенциональность – свойство языковых конструкций, связанное с устремлённостью, направленностью говорящего к объекту.

Табл. 1. Проблемные нарративы, наиболее часто встречающиеся во внешнеполитическом дискурсе Си Цзиньпина (2013–2024 гг.)

Table 1. The most frequently encountered problematic narratives in Xi Jinping's foreign policy discourse (2013–2024)

Проблемный нарратив	Доля упоминаний (%)
Технологическое развитие и инновации	21,6
Сотрудничество в целях развития	19,7
Безопасность и стабильность	18,3
Глобальное неравенство	15,4
Реформа глобального управления	13,9
Цифровой разрыв	12,5
Изменение климата	11,6
Суверенитет и невмешательство	10,7

Примечание: суммарное значение превышает 100 %, поскольку отдельные тексты речей содержат несколько проблемных нарративов одновременно. Полученные данные округлены до десятых процента.

Источник: составлено авторами по результатам лексико-частотного анализа 120 речей Си Цзиньпина на английском языке с применением программы T-LAB (<https://www.tlab.it/>). Ссылки на наиболее значимые для работы выступления приведены в списке литературы

Source: compiled by the authors based on lexical frequency analysis of 120 speeches by Xi Jinping in English using the T-LAB software (<https://www.tlab.it/>). References to the most relevant speeches are provided in the reference list.

ным внешнеполитическим дискурсом Председателя КНР. Аналитический инструментарий исследования оперирует двумя ключевыми категориями. Во-первых, это "идеологический квадрат": данная стратегия позволяет эксплицитно бинарную оппозицию "свой / чужой", где через гиперболизацию позитивных детерминант КНР конструируется как ответственный лидер и гарант глобальной стабильности при одновременном акцентировании негативных атрибутов западных акторов, маркируемых в качестве дестабилизирующих факторов и источников международной турбулентности. Во-вторых, это стратегия легитимации (по Т. ван Лёвену [18]), согласно которой процесс институционального обоснования внешнеполитического курса Китая верифицируется через механизмы рационализации (прагматическое обоснование инициативы "Пояс и путь"), нарративизации (апелляция к историческому "духу Шёлкового пути") и моральной оценки (дискурс о "справедливости и равенстве").

Количественное распределение данных по выявленным проблемным нарративам во всем корпусе текстов было рассчитано в процентном соотношении, что позволило определить их относительную значимость в общей структуре внешнеполитической риторики Си Цзиньпина (табл. 1).

Представленные данные свидетельствуют о том, что внешнеполитический дискурс Си Цзиньпина структурирован вокруг ограниченного, но устойчивого набора проблем, конструируемых как ключевые вызовы современного мирового порядка. При этом особое место занимает нарратив технологического развития, который не только количественно доминирует, но и функционально связывает между собой, в том числе при продвижении выдвинутой председателем КНР Глобальной инициативы развития цивилизаций, другие проблемные области – развитие, безопасность, глобальное неравенство и реформу международных институтов. Это позволяет рассматривать технологический нарратив как системообразующий элемент китайской внешнеполитической риторики.

Второй по значимости проблемный нарратив в структуре внешнеполитического дискурса Си Цзиньпина – "сотрудничество в целях развития". Он концептуализирует развитие как универсальный инструмент решения широкого спектра международных проблем: от экономических и климатических кризисов до вопросов безопасности и гуманитарных вызовов. Опираясь на этот нарратив, Китай позиционирует свои инициативы (Глобальную инициативу развития, "Пояса и пути") как универсальную платформу, предоставляющую, по сравнению со странами Запада, "более экономичные и адресные решения" для стран Глобального Юга. В его рамках дискурс последовательно смещает фокус на необходимость усиления сотрудничества в целях развития, конструируя образ Китая как ответственного глобального актора, предлагающего не конфронтацию, а созидательную повестку.

Третьим ключевым проблемным нарративом стал нарратив безопасности и стабильности, формирование и продвижение которого, в том числе в формате выдвинутой Си Цзиньпином Глобальной инициативы безопасности, исключительно важно как для внутренней аудитории Китая, так и на внешнеполитическом треке. Далее предложен развернутый анализ предназначения и характеристик этих трёх проблемных нарративов.

Технологический нарратив как ключевой проблемный нарратив во внешнеполитическом дискурсе Си Цзиньпина

В 2013–2024 гг. технологический нарратив в дискурсе Председателя КНР эволюционировал от элемента внутренней модернизационной риторики до более значимого компонента, формирующего реакцию Китая на ряд внешних вызовов. Основные международные проблемы и конфликты в этот период включали усиление геэкономического соперничества с США и западными странами, блокировку ими доступа Китая к передовым технологиям, рост угроз кибербезопасности и суверенитету в критически важных технологических сферах. Эти действия стран Запада превратили технологический нарратив для Пекина в проблемный, связанный с безопасностью, стратегической автономией и глобальным влиянием.

Одним из первых ключевых эпизодов в его рамках стал санкционный кризис вокруг корпорации ZTE⁵ в 2018 г., когда запрет США на поставки чипов и программного обеспечения продемонстрировал уязвимость национального развития перед внешним технологическим контролем. В выступлении в мае 2018 г. на ежегодной ассамблее членов Китайской академии наук и Китайской инженерной академии Си Цзиньпин отметил, что "практика неоднократно показывала, что мы не можем рассчитывать получить ключевые базовые технологии через просьбы, покупки или подачки..., а должны удерживать инициативу инновационного развития в собственных руках" [29]. Эта формулировка зафиксировала переход Китая к стратегии технологического суверенитета.

Дальнейшее развитие конфликта с США в 2019 г. в этой сфере – включение Вашингтоном компании Huawei в Entity List⁶ и жесткие меры по противодействию китайским компаниям в развитии технологий 5G – придало этому нарративу внешнеполитический характер: технологии стали рассматриваться как инструмент геополитического давления и сдерживания. В ответ на это Си Цзиньпин в международной риторике подчеркивал необходимость деполитизации технологий и критиковал односторонние ограничения со стороны США. Так, на открытии Китайской международной импортной выставки в 2018 г. он заявил: "Мы должны противостоять протекционизму и односторонним действиям и сделать экономическую глобализацию более открытой, инклюзивной и сбалансированной" [28].

Проблемность нарратива усилилась в 2020–2023 гг. на фоне ужесточения экспортного контроля США в сферах полупроводников, искусственного интеллекта (ИИ) и вычислительной техники. Ограничения на поставки чипов и оборудования были восприняты китайским руководством как очевидная

⁵ Zhong Xing Telecommunication Equipment.

⁶ Entity List – список, составляемый Бюро промышленности и безопасности Министерства торговли США в рамках усиления экспортных ограничений.

попытка затормозить долгосрочное развитие страны. В ответ Си Цзиньпин в выступлении в мае 2021 г. на очередной ассамблее членов Китайской академии наук и Китайской инженерной академии подчеркнул, что стратегической опорой развития страны должны быть научно-технологическая самодостаточность и собственное усиление [29].

Акцент на самодостаточность напрямую связан с реакцией на внешние вызовы со стороны США. Торговая и технологическая война, начатая в 2018 г. администрацией Д. Трампа и продолженная при президенте Дж. Байдене, показала сильную уязвимость Китая от западных технологий. В ответ Си Цзиньпин поставил задачу развития собственных критически важных технологий и достижения технологического суверенитета страны. При этом Пекин, реагируя на обвинения в создании угроз безопасности другим странам, отвергает идеологическое давление и настаивает на праве развиваться по своим правилам. В этой связи в речи на Генеральной Ассамблее ООН в сентябре 2021 г. Си Цзиньпин отметил важность уважения ключевых интересов и особенностей других стран, и недопущения менталитета "холодной войны" [29]. Сравнение заявлений председателя КНР, сделанных в 2021 г. (на ассамблее учёных в мае и на площадке ООН в сентябре), позволяет увидеть двуединую природу китайского официального дискурса: технологический национализм внутри страны и дипломатический прагматизм на мировой арене.

Данное сопоставление выявляет принципиальный концептуальный разлом в понимании суверенитета разными акторами. Если в западной политической традиции доминирующим остается его узкое определение, сводящееся к территориальному контролю и принципу невмешательства во внутренние дела, то альтернативный дискурс, конструируемый в современном Китае, предлагает существенное расширение данной категории за счет включения в нее технологического измерения. В выступлении Си Цзиньпина в Академии наук технологические цепочки, стандарты и исследовательские данные, по сути, концептуализируются как продолжение государственных границ. Подобная интерпретация наделяет критику в адрес китайских технологических корпораций или модели государственного капитализма в высокотехнологичном секторе статусом посягательства на суверенитет Китая, тем самым выводя ее из плоскости рыночной конкуренции в область межгосударственных конфликтов.

Таким образом, технологический нарратив становится ответом на конкретные вызовы – санкции Запада, технологическую блокаду, кризисы глобального управления и пандемию COVID-19 – и одновременно механизмом переосмысления роли Китая в международной системе. Этот нарратив позволяет конструировать образ государства, которое не только сталкивается с несправедливым распределением технологических ресурсов, но и предлагает альтернативную модель глобального технологического сотрудничества, ориентированную на его инклюзивное развитие и суверенное равенство. С политологической точки зрения технологический нарратив во внешнеполитическом дискурсе Си Цзиньпина выполняет функцию связующего элемента между проблемами развития, безопасности и глобального управления. Он позволяет интерпретировать конкретные кризисные события как симптомы более широкой структурной дисфункции мировой системы и легитимировать активную роль Китая в её трансформации. Именно это сочетание эмпирической обусловленности и нормативных притязаний позволяет рассматривать его как ключевой проблемный нарратив современного китайского внешнеполитического дискурса.

Сотрудничество в целях развития как проблемный нарратив во внешнеполитическом дискурсе Си Цзиньпина

Нарратив сотрудничества в целях развития во внешнеполитическом дискурсе Си Цзиньпина рассматривается как структурный ответ Китая на системные недостатки существующих международных механизмов развития, прежде всего в аспектах глобального неравенства, маргинализации стран Глобального Юга и недостаточной эффективности западной модели помощи в целях развития ("development aid"). Этот нарратив приобретает особую значимость в периоды обострения глобальных проблем, когда традиционные подходы Запада к содействию развитию оказываются недостаточными и подвер-

гаются критике, особенно в контексте Африканского континента, где Китай выступает в качестве альтернативного партнёра стран региона. Так в 2015 г., выступая на Генеральной Ассамблее ООН, Си Цзиньпин подчеркнул, что "развитие является ключом к решению всех проблем" [21]. Эта формула не только определила высокий приоритет развития в данной сфере, но и стала аргументом в поддержку тезиса о том, что традиционные западные модели помощи не способны устранить глубинные проблемы бедности и неравенства.

Проблемный характер нарратива усиливается в контексте деятельности Форума китайско-африканского сотрудничества (ФОКАК), ставшего главным международным институтом продвижения китайской внешнеполитической стратегии в области развития с начала XXI в. Постепенно он приобрёл более высокий статус, и в 2018 г., выступая с докладом на этом форуме, Си Цзиньпин сформулировал ряд инициатив, направленных на преодоление экономического и инфраструктурного отставания Африки, взяв обязательство оказать поддержку континенту в достижении продовольственной безопасности к 2030 г., а также направить пятьсот старших сельскохозяйственных экспертов Китая для обучения молодых исследователей и предпринимателей стран региона [28]. Предложенные форматы практического содействия со стороны Китая были напрямую направлены на решение важнейших структурных проблем стран Африки – низкого уровня продовольственной безопасности, недостатка технических навыков и слабой промышленной базы [14].

Пандемия COVID-19 ярко продемонстрировала ограничения в предоставлении нуждающимся странам помощи Запада. В этот период Китай активно продвигал риторику "солидарности в условиях кризиса" и критиковал узкое целеполагание западной помощи, ориентированной, прежде всего, на финансовые показатели предоставляющих её институтов, а не на потребности населения. Так, в рамках 8-го министерского совещания ФОКАК в 2021 г. Председатель КНР отметил необходимость "ставить людей и их жизни на первое место, поддерживать отказ от прав интеллектуальной собственности на вакцины от COVID-19 и на деле обеспечить их доступность в Африке, чтобы сократить разрыв в уровне вакцинации" [29]. Это высказывание фиксирует переход от общих целей развития к конкретным проблемам здравоохранения и социальной защиты и демонстрирует, как китайский нарратив формулирует структурную проблему необходимости преодоления глобальной социально-экономической несправедливости.

В 2024 г. нарратив сотрудничества в целях развития получил дальнейшее институциональное и функциональное оформление в рамках саммита ФОКАК, где Си Цзиньпин подчёркивал необходимость комплексного подхода, объединяющего экономическое, социальное и инфраструктурное развитие, отметив, что Китай готов вести взаимовыгодное сотрудничество на основе долгосрочных и фундаментальных интересов всех стран и углублять сотрудничество с Африкой в промышленности, сельском хозяйстве, инфраструктуре, торговле и инвестициях [30].

Ключевым конфликтом международного дискурса, реакцией на который стал данный нарратив, было давление и критика со стороны западных государств, оценивающих сотрудничество Китая с Африкой как форму установления "долговой зависимости" или "нового неокOLONиализма". Китайская официальная позиция последовательно отвергает такие оценки. Так, в выступлении в 2024 г. в Пекине на открытии форума ФОКАК Си Цзиньпин подчёркивал принципы невмешательства в поиск африканскими странами пути развития, соответствующего их национальным условиям, и отсутствия каких-либо политических условий [30]. Таким образом Китай стремится представить свою политику в регионе как партнёрство равных и альтернативу западной модели, часто сопровождающейся политическими требованиями к получателям такой помощи.

Особую роль в углублении данного нарратива сыграла инициатива "Пояса и пути", которая в дискурсе Си Цзиньпина всё чаще позиционируется как ответ на дефицит глобальных общественных благ – инфраструктуры, инвестиций и промышленного потенциала [15]. В то же время практика её реализации стала источником проблемных интерпретаций, связанных с обвинениями Китая в формировании "долговых ловушек" и усилении зависимости от него стран-партнёров [10, р. 7–15]. Эти обвинения стали дополнительным

вызовом, потребовавшим внесения изменений в китайский дискурс о сотрудничестве, и в речах Си Цзиньпина усиливается акцент на его добровольности и взаимной выгоде. По мнению У. Каллахана, это стало частью более широкой стратегии символического переопределения китайской роли в мировой системе [7, p. 147–169]. Она выразилась в систематическом подчёркивании в китайской риторике принципов открытости, взаимной выгоды и добровольности сотрудничества в стремлении нейтрализовать интерпретации "Пояса и пути" как инструмента геополитического давления, представляя её в качестве инклюзивной платформы развития [9, p. 9–24].

Проблемный характер нарратива сотрудничества в целях развития также усилился в контексте конкуренции моделей модернизации из-за закрепления в западном дискурсе противопоставления "либеральной" и "авторитарной" моделей развития. Китайская официальная позиция отвергает универсалистские подходы, представляя развитие как процесс, не имеющий единого нормативного шаблона. В этом смысле сотрудничество в целях развития используется для деконструкции нормативного доминирования западной модели и легитимации принципа множественности путей модернизации, что находит отражение в китайских формулировках о "пути развития, соответствующем национальным условиям" [17, p. 263–267].

Ещё одним проблемным узлом, усиливающим значимость данного нарратива, становится обострение социально-экономических последствий глобальных кризисов, включая рост бедности, продовольственную нестабильность и энергетические вызовы в странах Африки и Южной Азии [16]. Китайский дискурс сотрудничества в целях развития реагирует на эти вызовы, интегрируя их в риторику "человекоцентричного развития" и "реального улучшения условий жизни". В отличие от западных программ, ориентированных преимущественно на институциональные реформы и опосредованный характер помощи, китайский подход делает акцент на её материальных результатах (инфраструктуре, занятости, продовольственной безопасности и др.) и потребностях населения [6, p. 209–214].

Важно подчеркнуть, что проблемность этого нарратива проявляется не только во внешнеполитическом измерении, но и в символической функции внутренней легитимации внешней политики Пекина. Через постоянное обращение к проблемам глобального неравенства и несправедливости мировой системы Си Цзиньпин конструирует образ Китая как страны, прошедшей путь от бедности к развитию и поэтому обладающей моральным правом предлагать альтернативные решения. Этот дискурсивный приём усиливает связь между внутренним опытом китайской модернизации и внешней политикой сотрудничества, превращая развитие в элемент международной идентичности Китая [14]. Воспроизводимость этого нарратива в 2013–2024 гг. свидетельствует о том, что развитие в китайском внешнеполитическом дискурсе становится политизированной категорией, посредством которой Китай стремится институционально и дискурсивно трансформировать существующую систему международных отношений.

Нарратив безопасности и стабильности во внешнеполитическом дискурсе Си Цзиньпина

В рамках теории стратегических нарративов проблемные нарративы, как было показано выше, выполняют функцию не только описания угрозы, но и её интерпретации, установления причинно-следственных связей и легитимации предлагаемого государством решения [12, p. 79–81]. Нарратив безопасности и стабильности занимает в этом ряду особое место, поскольку он не просто фиксирует наличие конфликта или риска, но и задаёт нормативную рамку, в которой Китай позиционирует себя как гарант международного порядка и ответственный актор, способный купировать угрозы самой разной природы.

Результаты проведённого нами контент-анализа указывают на ряд лексем семантического поля "безопасности" ("security", "stability", "safe", "protection"), которые в совокупности входят в число наиболее частых в официальном дискурсе Си Цзиньпина, составляя около 18,3 % от общего числа выявленных проблемных нарративов (табл. 1). Важно отметить, что концептуализация безопасности в современном китайском политическом дискурсе

представляет собой сложный нарратив, в котором традиционные представления о государственном суверенитете переплетаются с новыми вызовами глобализованного мира. В этой связи Председатель Си артикулирует видение "всеобъемлющей национальной безопасности", которая выходит далеко за рамки военно-стратегических аспектов, охватывая экономическую, культурную, технологическую и даже экологическую сферы [30].

В выступлении на 19-м съезде КПК в октябре 2017 г. он подчеркнул: государство должно обеспечивать как развитие, так и безопасность, и всегда быть готовым защищаться от "потенциальных опасностей" в мирное время [24]. Данная формулировка раскрывает фундаментальное напряжение в китайской стратегии развития: императив экономической модернизации неизбежно сопряжен с необходимостью контроля над потенциальными дестабилизирующими факторами. Интерпретируя эту максиму, следует отметить, что она отражает не изоляционизм, а скорее прагматическую озабоченность руководства КНР сохранением политической стабильности в условиях социально-экономических трансформаций.

Особенно показательна другая цитата Си из выступления на Центральной конференции по работе в области национальной безопасности в 2014 г. о невозможности обеспечить национальную безопасность без выстраивания инструментов кибербезопасности [8, p. 85–87]. В данном сообщении просматривается расширительная трактовка безопасности, где информационное пространство становится критически важным полем битвы за суверенитет. Эта интерпретация легитимирует масштабные меры по контролю над цифровой сферой, которые западные наблюдатели часто критикуют как авторитарные [4, p. 26; 13]. Однако с точки зрения китайского руководства подобные меры представляют собой необходимую защиту от "идеологической инфильтрации" и "цветных революций", подрывающих государственную стабильность.

Таким образом, суть проблемного нарратива безопасности и стабильности заключается в его внутренней амбивалентности: стремление к "стабильности" часто вступает в противоречие с потребностью в инновационном развитии, требующем определенной степени информационной открытости и социальной мобильности [29]. Вместе с тем режим безопасности, построенный на тотальном контроле, рискует подавить потенциал общества, необходимый для достижения провозглашенных целей "китайской мечты".

Сравнительный анализ проблемных нарративов во внешнеполитическом дискурсе Си Цзиньпина

Несмотря на различия в содержании и риторике, выделенные нами в работе три ключевых нарратива объединяет принципиально важная черта: они не только описывают проблемные аспекты международной среды, но и активно перераспределяют ответственность за их возникновение и решение. В технологическом нарративе вина за уязвимость и риски переносится с внутренних ограничений на внешнее давление и политизацию технологий. В нарративе сотрудничества в целях развития ответственность за отставание и нестабильность развивающихся стран снимается с национальных акторов и возлагается на несправедливое устройство мировой системы. В нарративе безопасности и стабильности ответственность признается государством, но только в контексте необходимости реализации превентивных оборонительных мер и ответов на потенциально возникающие угрозы.

Во всех случаях Китай последовательно исключает себя из числа источников проблем и, напротив, конструирует образ актора, предлагающего более эффективные, альтернативные решения. С политологической точки зрения данные нарративы выполняют взаимодополняющие функции. Технологический нарратив ориентирован преимущественно на мобилизацию, легитимацию внутренней политики и обоснование стратегии технологической автономии в условиях внешнего давления. Нарратив сотрудничества в целях развития, в свою очередь, имеет выраженную внешнюю направленность и служит инструментом формирования международных коалиций, укрепления связей с Глобальным Югом и продвижения альтернативных норм международного взаимодействия. Нарратив безопасности и стабильности сочетает элементы двух других нарративов, подчеркивая превентивную стратегию Китая в ответ на возможные дестабилизирующие факторы, возникающие как во вну-

тренней, так и во внешней среде. В совокупности они формируют целостную картину внешнеполитического дискурса Си Цзиньпина, в которой конфликт и сотрудничество выступают не как взаимоисключающие стратегии, а как разные режимы реагирования на возникающие вызовы мировой политики.

Заключение

Результаты исследования показывают, что различия между проблемными нарративами определяются, прежде всего, их ключевыми задачами. Технологический нарратив характеризуется высокой степенью секьюритизации и ориентирован на внутреннюю консолидацию и мобилизацию в условиях внешнего давления. Нарратив сотрудничества в целях развития, напротив, использует деполитизированный и кооперативный язык, направленный на расширение внешнеполитических связей и формирование коалиций среди стран Глобального Юга. Нарратив безопасности и стабильности аккумулирует механизмы информационного, технологического и военного потенциала страны для оперативных реакций на угрозы широкого спектра во внутренней и внешней среде: от сфер политики и экономики до экологических проблем. При этом каждый нарратив служит элементом более широкой стратегии нормативного позиционирования Китая как актора, способного предложить альтернативное видение мирового порядка.

В целом, проблемные нарративы во внешнеполитическом дискурсе Си Цзиньпина отражают переход Пекина от адаптивной стратегии участия на основе правил, установленных преимущественно западными международными институтами, к более активной роли в формировании правил, норм и интерпретаций мировой политики. С помощью формирования и продвижения стратегических проблемных нарративов Китай не только реагирует на внешние вызовы, но и конструирует собственную идентичность как ответственного лидера, представителя интересов развивающегося мира и альтернативного центра нормативного влияния. Это, в свою очередь, позволяет оценивать рассмотренные нарративы не просто как элемент усиления риторики, а как системообразующий элемент современной китайской внешней политики.

Литература / References

1. Милькова А. А. Возможности теории стратегических нарративов в анализе внешнеполитического дискурса Китая при председателе Си Цзиньпине. *Анализ и прогноз. Журнал ИМЭМО РАН*. 2025. № 2. С. 82–92. <https://doi.org/10.20542/afij-2025-2-82-92>
Milkova A. A. Possibilities of strategic narratives theory in the analysis of China's foreign policy discourse under Chairman Xi Jinping. *Analysis and Forecasting. IMEMO Journal RAN*. 2025. No. 2. P. 82–92. (In Russ.) <https://doi.org/10.20542/afij-2025-2-82-92>
2. Салицкий А. И. Китайский дискурс глобального управления: эволюция и основные составляющие. *Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право*. 2019. Т. 12. № 6. С. 138–160.
Salitskiy A.I. Chinese discourse of global governance: evolution and main components. *Kontury global'nykh transformatsiy: politika, ekonomika, pravo*. 2019. Vol. 12, No. 6. P. 138–160. (In Russ.)
3. Хархордин О. В. Политика нарратива и нарратив политики: к методологии анализа. *Политическая наука*. 2018. № 3. С. 12–34.
Kharkhordin O.V. Politics of narrative and narrative of politics: toward a methodology of analysis. *Politicheskaya nauka*. 2018. No. 3. P. 12–34. (In Russ.)
4. Arsène S. Internet Domain Names in China: Articulating Local Control with Global Connectivity. *China Perspectives*. 2019, No. 1. P. 25–34.
5. Callahan W. A. *China: The Pessimist Nation*. Oxford: Oxford University Press, 2010. 261 p.
6. Callahan W. A. National insecurities: Humiliation, salvation, and Chinese nationalism. *Alternatives*. 2004. Vol. 29, No. 2. P. 209–214.
7. Callahan W. A. *China Dreams: 20 Visions of the Future*. Oxford: Oxford University Press, 2016. P. 147–169.
8. Creemers R. Cyber China: Upgrading propaganda, public opinion work and social management for the twenty-first century. *Journal of Contemporary China*. 2017. Vol. 26, No. 103. P. 85–100.
9. Diamond L., Plattner M. *Democracy in Decline?* Baltimore: Johns Hopkins University Press, 2015. P. 9–24.
10. Hurley J., Morris S., Portelance G. *Examining the Debt Implications of the Belt and Road Initiative*. Washington, DC: Center for Global Development, 2018. P. 7–15.

11. Maines D. R. Narrative's Moment and Sociology's Phenomena - toward a Narrative Sociology. *Sociological Quarterly*. Vol. 34, No. 1. P. 17–37.
12. Miskimmon A., O'Loughlin B., Roselle L. *Strategic Narratives: Communication Power and the New World Order*. New York: Routledge, 2013. 176 p.
13. Roberts M. *Censored: Distraction and Diversion Inside China's Great Firewall*. Princeton: Princeton University Press, 2018. 288 p.
14. State Councilor Wang Yi. Keynote Speech at the Coordinators' Meeting on FOCAC implementation. Beijing, 30 May 2024. URL: <https://www.fmprc.gov.cn> (accessed 27.02.2026)
15. UNDP. *Human Development Report 2022: Uncertain Times, Unsettled Lives*. New York: United Nations, 2022. (accessed 06.01.2026)
16. UNDP. *Human Development Report 2022*. New York: United Nations, 2022. URL: <https://hdr.undp.org/content/human-development-report-2021-22> (accessed 06.01.2026)
17. Van Dijk T. A. *Ideology: A Multidisciplinary Approach*. London: SAGE Publications. 1998. P. 6–8, 263–267.
18. Van Leeuwen T. *Discourse and Practice: New Tools for Critical Discourse Analysis*. New York: Oxford University Press. 2008. P. 105–123.
19. Wang J. Soft power and the rise of China. *The Annals of the American Academy of Political and Social Science*. 2008. Vol. 616. P. 257–273.
20. Weldes J. Constructing national interests. *European Journal of International Relations*. 1996. Vol. 2, No. 3. P. 275–318. <https://doi.org/10.1177/1354066196002003001>
21. Wodak R. *The Discourse of Politics in Action: Politics as Usual*. 2nd ed. London: Palgrave Macmillan, 2011. 102 p.
22. Xi Jinping. Remarks at the Central Conference on Work Relating to National Security. Beijing, 29 November 2014. URL: https://www.mfa.gov.cn/eng/wjb/zjzg_663340/xws_665282/xgxw_665284/202406/t20240606_11405668.html (accessed 22.02.2026)
23. Xi Jinping. Statement at the General Debate of the 70th Session of the UN General Assembly. New York, 28 September 2015. URL: <https://www.fmprc.gov.cn> (accessed 22.02.2026)
24. Xi Jinping. Secure a Decisive Victory in Building a Moderately Prosperous Society in All Respects and Strive for the Great Success of Socialism with Chinese Characteristics for a New Era. Report to the 19th National Congress of the Communist Party of China. Beijing, 18 October 2017. URL: <https://www.neac.gov.cn/seac/c103372/202201/1156519.shtml> (accessed 23.02.2026)
25. Xi Jinping. Speech at the 19th Meeting of Academicians of the Chinese Academy of Sciences and Chinese Academy of Engineering. Beijing, 28 May 2018. URL: https://www.xinhuanet.com/english/2018-05/29/c_137213175.htm (accessed 23.02.2026)
26. Xi Jinping. Xi stresses sci-tech self-reliance at higher levels. Beijing, 28 May 2021. URL: https://english.www.gov.cn/news/topnews/202105/28/content_WS60b0f926c6d0df57f98da5e9.html (accessed 23.02.2026)
27. Xi Jinping. Statement at the General Debate of the 76th Session of the UN General Assembly. New York, 21 September 2021. URL: <https://www.fmprc.gov.cn> (accessed 23.02.2026)
28. Xi Jinping. Keynote Speech at the Opening Ceremony of the FOCAC Beijing Summit. Beijing, 3 September 2018. URL: <https://www.fmprc.gov.cn> (accessed 22.02.2026)
29. Xi Jinping. Full text: Xi Jinping's keynote speech at opening ceremony of 8th FOCAC ministerial conference. CGTN. 30 November 2021. URL: <https://news.cgtn.com/news/2021-11-30/Full-Text-Xi-s-keynote-speech-at-8th-FOCAC-ministerial-conference-15ANhxm2UtG/index.html> (accessed 06.01.2026).
30. Xi Jinping. Keynote address by Chinese President Xi Jinping at opening ceremony of 2024 FOCAC summit. Beijing, 5 September 2024. URL: <https://en.chinadiplomacy.org.cn> (accessed 27.01.2026)

Информация об авторах

Сергей Витальевич Севастьянов, д-р полит. наук, профессор Национального исследовательского университета "Высшая школа экономики", Санкт-Петербург, Россия, e-mail: ssevastyanov@hse.ru

Анастасия Андреевна Милькова, аспирант Национального исследовательского университета "Высшая школа экономики", Санкт-Петербург, Россия, e-mail: a.milkova@hse.ru

Information about the authors

Sergei V. Sevastianov, Doctor of Political Sciences, Professor, National Research University Higher School of Economics, Saint Petersburg, Russia, e-mail: ssevastyanov@hse.ru

Anastasia A. Milkova, Postgraduate Student, National Research University Higher School of Economics, Saint Petersburg, Russia, e-mail: a.milkova@hse.ru